

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2026. № 3 (35).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 3 (35), 2026.

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)

<https://doi.org/10.22455/2619-0311-2026-3-322-342>

<https://elibrary.ru/AFOEUM>

© 2026. Ольга Богданова

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

Московские усадьбы в биографии Достоевского: Мариинская больница для бедных

© 2026. Olga A. Bogdanova

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Moscow Estates in Dostoevsky's Biography: The Mariinsky Hospital for the Poor

Информация об авторе: Ольга Алимовна Богданова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Отдел русской литературы конца XIX – начала XX века, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Лаборатория сравнительного литературоведения и культурной дипломатии Института международных отношений и социально-политических наук, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1, 119034 г. Москва, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>

E-mail: olgabogda@yandex.ru

Благодарности: Исследование выполнено по гранту Российского научного фонда № 26-18-00190, <https://rscf.ru/project/26-18-00190/>

Аннотация: В статье представлен усадебный контекст детства Достоевского — перечислены городские и сельские усадьбы Москвы и ее окрестностей, связанные с именем будущего писателя. Впервые в исследованиях по биографии

Достоевского Московская Мариинская больница для бедных рассмотрена как городская усадьба. С опорой на авторитетных историков архитектуры и искусствоведов доказывается, что, несмотря на свой общественный, а не владельческий статус, она принадлежит к характерным для Москвы строениям усадебного типа и является носительницей традиционной для древней и новой России *усадебной культуры*. Также дается представление об особом — усадебном — характере застройки Москвы как древнерусского города, где и в имперскую европеизированную эпоху сохранялись патриархальные традиции и старинный жизненный уклад. Показано, что Москва первой половины XIX века — времени детства Достоевского — сочетала в себе древнерусские и новоевропейские усадебные реалии. Особое внимание уделено духовной преемственности между Божьим (Убогим) домом эпохи Московской Руси (с присущими ему христианским милосердием и смиренномудрием) и Мариинской больницей, выстроенной в 1806 году на его землях для бескорыстной помощи неимущим. Прослежено, как европеизированное усадебно-больничное пространство впитало в себя основные черты усадебного жизнеустройства допетровской и послепетровской Москвы. Сделан вывод о том, что усадебный мир будущего писателя шире, чем это считалось раньше, и связан не только с родительским имением Даровое в Тульской губернии, но и с Московской Мариинской больницей для бедных. Используются историко-литературный, герменевтический, междисциплинарный и геокультурологический подходы.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, детство, Москва, русская усадьба, сельская усадьба, городская усадьба, Московская Мариинская больница для бедных, древнерусские традиции, европеизация в XVIII–XIX веках

Для цитирования: Богданова О.А. Московские усадьбы в биографии Достоевского: Мариинская больница для бедных // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2026. № 3 (35). С. 322–342. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2026-3-322-342>

Information about the author: Olga A. Bogdanova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Department of Russian Literature of the late 19th – early 20th centuries, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia; Leading Research Fellow, Laboratory of Comparative Literature and Cultural Diplomacy, Institute of International Relations and Socio-Political Sciences, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka St., 38, bld. 1, 119034 Moscow, Russia.

<https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>

E-mail: olgabogda@yandex.ru

Acknowledgements: This study was funded by the Russian Science Foundation (Project No. 26-18-00190, <https://rscf.ru/project/26-18-00190/>).

Abstract: This article examines the estate context of Dostoevsky's childhood, identifying the urban and rural estates in Moscow and its surroundings associated with the future writer. For the first time in Dostoevsky studies, the Moscow Mariinsky Hospital for the Poor is examined as an urban estate. Drawing on the work of leading architectural historians and art historians, it is proved that, despite its social rather than proprietary status, it belongs to the estate-type buildings characteristic of Moscow and represent the estate culture characteristic of both old and modern Russia. The article also demonstrates the distinctive estate-based pattern of Moscow's

urban development as an ancient Russian city, where patriarchal traditions and an ancient way of life were preserved even in the imperial Europeanized era. It is shown that Moscow in the first half of the 19th century, the time of Dostoevsky's childhood, combined elements of both the Old Russian and the modern European estate tradition. Special attention is paid to the spiritual continuity between the God's House (also known as the Poor House) of the Muscovite Rus era (with its inherent Christian charity and humility) and the Mariinsky Hospital, built in 1806 on its lands to provide charitable care for the poor. It is traced how the hospital-estate complex absorbed the main features of the estate lifestyle of pre-Petrine and post-Petrine Moscow. The article concludes that Dostoevsky's estate world was broader than has previously been assumed and was connected not only with his family's estate at Darovoye in Tula Province but also with the Moscow Mariinsky Hospital for the Poor.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, childhood, Moscow, Russian estate, rural estate, urban estate, Moscow Mariinsky Hospital for the Poor, Old Russian traditions, Europeanization in the 18th – 19th centuries

For citation: Bogdanova, O.A. "Moscow Estates in Dostoevsky's Biography: The Mariinsky Hospital for the Poor." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 3 (35), 2026, pp. 322–342. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2026-3-322-342>

Усадьбы и дачи занимают значительное место в жизни и творчестве Достоевского. В последние два десятилетия об этом написано уже немало работ (см., например: [Макаричева, 2008]; [Богданова, 2010]; [Бирюкова, 2013]; [Сафронова, 2018]; [Богданова, 2019]; [Сафронова, 2019]; [Дементьева, 2019]; [Сафронова, 2020]; [Даровое Достоевского, 2021]; [Богданова, 2024]; [Богданова, 2025a]). Впервые с усадебным миром России писатель соприкоснулся в Москве в годы своего детства и отрочества. Перечислим городские усадьбы древней столицы, связанные с именем Достоевского. Это в первую очередь Мариинская больница для бедных (где писатель родился и вырос), Екатерининское и Александровское женские училища (находившиеся в ближайшем соседстве с Мариинской больницей), дома его родственников Куманиных на улице Ордынка и в Козьмодемьянском (сейчас Старосадском) переулке, где писатель бывал в детстве и позже, в 1864 году.

Первые три локации могут вызвать сомнение в своей принадлежности к усадьбам. Ведь под последними часто понимают владельческие архитектурные комплексы, предназначенные исключительно для жилья.

Однако если увидеть в усадьбе (городской усадьбе, а тем более загородной) многофункциональный архитектурно-художественный, экономический и производственный организм, станет очевидным, что <...> в конце XVIII — начале XIX столетий <...> в России, в том числе и в Москве, усадьба была универсальным типом застройки первичной городской ячейки — отдельного владения [Кириченко, 1997, с. 36].

Более того, «традиции московского уклада жизни вплоть до середины XIX века крепко удерживали многие патриархальные бытовые особенности, в числе которых одна из главных — усадебный характер застройки», которая лишь во второй половине XIX века постепенно сменилась «многоквартирным доходным домом» [Нащокина, 1997, с. 56]. Авторитетный историк архитектуры и искусствовед Е.И. Кириченко указывает на соседство в Москве XVIII — начала XX века собственно усадеб и застройки усадебного типа:

Усадьба, особенно городская, изначально связана с жильем. <...> К застройке усадебного типа принадлежат участки, воссоздающие архитектурные особенности богатых городских усадеб, но там функционально и архитектурно главенствует не жилой дом, а здание, относимое к категории общественных или административных, и в их ансамбль входят, наряду с прочими, жилые дома работающих в этих учреждениях людей. По усадебному типу в XVIII — начале XX в. сооружались учебные, больничные, административные здания [Кириченко, 1997, с. 36].

Отметим, что в них так же, как и во владельческих комплексах, преобладало усадебное жизнеустройство и сохранялась *усадебная культура*, включавшая в себя определенный круг ценностей и правил повседневности. Подробная речь об этом в связи с Мариинской больницей пойдет ниже.

Для полноты картины скажем несколько слов о загородных усадьбах Москвы и близлежащих территорий, связанных с именем Достоевского¹. — Это усадьба Нарышкиных в Филях, усадьба Дура-

¹ Хотя формально в первой половине XIX века усадьбы в Даровом и Моногарове входили в Каширский уезд Тульской губернии, усадьба Еропкиных в Шистове — в Зарайский уезд Рязанской губернии, усадьба Куманиных в Переславле-Залесском — в Ярославскую губернию, усадьба Козловских в Борщевке — в Костромскую

совых в Люблине (в них Достоевский бывал как на дачах); усадьба Достоевских в Даровом близ Зарайска (это отдельный большой сюжет, специально разрабатываемый научной группой под руководством В.А. Викторовича (см.: [Даровое Достоевского, 2021])); тем не менее добавим, что мальчиком в окрестностях Дарового Достоевский бывал еще в нескольких помещичьих усадьбах — Павла Петровича Хотяинцева в Моногарове рядом с храмом², «старушки» Небольсиной по воскресеньям³, Еропкиных, в чьем саду были оранжереи и парники с дынями и арбузами, — об этом вспоминает А.М. Достоевский [Достоевский, 1930, с. 61–62]); предположительно усадьба Куманиных на Плещеевом озере в Переславле-Залесском и усадьба Борщевка князей Козловских в Костромской губернии (княгиня Козловская — одна из восприемниц младенца Федора Достоевского в больничном храме в 1821 году) (см.: [Федоров, 2004, с. 54–57, 265]). Сейчас часть из них (Фили, Люблино) находятся в пределах Москвы, но во времена Достоевского они были загородными. Отражение московских усадеб в произведениях писателя — отдельная большая тема, разработанная только частично и по большей части фрагментарно. Системный анализ рецепции усадеб, в том числе московских, в творчестве Достоевского пока дело будущего.

Остановимся на московских городских усадьбах детства Достоевского. Для лучшего понимания их своеобразия вспомним известную книгу М. де Вогюэ *“Le roman russe”* (1886, рус. пер. 1887). Достоевский, по мнению французского дипломата,

скиф, истый скиф. <...> Вместе с ним мы возвращаемся в сердце Москвы, в этот чудовищный собор Василия Блаженного, выкроенный и размалеванный, как китайская пагода, построенный татарскими архитекторами и, однако, служащий жилищем христианскому Богу [Вогюэ, 1887, с. 3, третья паг.].

губернию, — все они причислены нами к усадьбам московского ареала в биографии Ф.М. Достоевского из-за своей относительной близости к Москве и по факту посещения (или возможного посещения) их будущим писателем в годы его московского детства.

² О впечатлениях от посещения усадьбы Хотяинцевых, воплотившихся в повести М.М. Достоевского «Пятьдесят лет», см.: [Дементьева, 2019, с. 86–87].

³ В настоящее время документально установлено, что усадьба в селе Моногарове (по дороге в храм) принадлежала не «старушке», а ее дочери Екатерине Петровне Небольсиной (по мужу Оболенской). См.: [Даровое Достоевского, 2021, с. 286–290].

Обратим внимание на характерные слова Вогюэ: «скиф», «китайская», «татарскими», — указывающие на особый, как бы мы сейчас сказали, *евразийский* характер древней русской столицы, где вырос и сформировался как личность будущий писатель. В самом деле, Москва, в отличие от изначально европейского Петербурга, вплоть до середины XIX века сохраняла многие черты древнерусского, допетровского города.

Как известно, Москва с глубокой древности состояла из усадеб. Так называлась мельчайшая ячейка городского организма, сочетавшая жилые и хозяйственные постройки, сад и огород, позволявшие такому «огражденному» от окружающей среды образованию существовать достаточно обособленно [Нащокина, 1997, с. 55].

В XV–XVII веках «стольный град <...> был рыхлой агломерацией вотчинных владений не только членов обширного великокняжеского дома, но и служилых князей, и старомосковского боярства, и нового боярства, прибывшего в Москву вместе с бывшими удельными князьями», а также «слобод, разделенных полями, вспольями и лугами». Да, «он не подходит под западную, европейскую схему, но совершенно очевидно отражает само отличие цивилизаций — русской и западноевропейской» [Кривов, Крупнов, 2004, с. 180–181].

Подвергшись, как и вся Россия, мощной волне европеизации в XVIII веке, древняя столица зримо сочетала в себе оба начала — допетровское и петровское. И в XVIII, и в первой половине XIX века «старина продолжала стойко сохраняться не только во внешнем устройстве города, но и в общественном и семейном быту москвичей, в образе их жизни и привычках. Активные преобразования Петра I, в значительной степени затронувшие Москву, не могли, однако, коренным образом изменить уклад ее жизни. <...> Город очень медленно менял свой облик», в нем «преобладали патриархальные черты» [Якеменко, 2003, с. 41–42]. И хотя в десятилетия правления Екатерины II в Москве появились улицы, застроенные особняками по красной линии, в соответствии с западноевропейскими образцами, зачастую

обширные хоромы <...> ставились, по старому обыкновению, в глубине дворов <...>. Такие усадьбы занимали иногда участки земли более гектара своими службами, жильем дворовых, флигелями

для гостей, <...> домашней церковью, стоявшей тут же, на дворе <...> [Якеменко, 2003, с. 44–45].

Таким образом, в Москве первой половины XIX века мы встречаем смешение древнерусских и европеизированных усадебных реалий.

И Кремль с его соборами, и храм Василия Блаженного, и церковь св. Иоанна Воина XVII века, и Троице-Сергиева лавра, и другие московские и подмосковные древности наглядно свидетельствовали юному Достоевскому о том, что под европеизированной жизнью современной ему Москвы первой трети XIX века находился иной культурно-цивилизационный слой, мир русского средневековья, славяно-тюркского взаимодействия, связанный с постепенной интеграцией Золотой Орды в Московское царство XVI–XVII веков. Сказанное касается и хронологии русской усадьбы как главного элемента поместья, которое, по мнению историков, возникло в России в XV–XVI веках (см.: [Дворянская и купеческая сельская усадьба, 2021]) как заимствование из Османской империи, сделанное великим князем Иваном III: «русское поместье было в основных чертах копией османского тимара», см.: [Нефедов, 2020, с. 758–760, 765]. Напомним, что усадьба является центральной частью поместья (или имения), где сосредоточено управление всеми его многочисленными функциями.

Неудивительно, что допетровская усадьба отличалась от той, которую мы находим в русской классике, в том числе в архитектурном отношении. Так, например, сохранилось описание созданной в XVII веке при князьях Голицыных усадьбы А.Д. Кантемира:

Дом в Черной Грязи <...> построен на китайский манер, с отлогими крышами на два ската, с галереями, по которым можно ходить перед окнами вокруг всего строения, и со многими маленькими башнями, со всех сторон открытыми и обтянутыми только парусиною для свежести воздуха и защите от солнца. Он весь деревянный, но так как раскрашен и стоит на высоком месте, то кажется великолепным [Дневник камер-юнкера Ф.В. Берггольца, 1902–1903, с. 165–166].

Р.М. Байбунова называет Черную Грязь типичной усадьбой Московской Руси, похожей на «сказочное Берендеево царство», на «китайскую экзотику <...> на русской почве» [Байбунова, 1999,

с. 284, 288]. Однако едва ли можно считать недоразумением китайские ассоциации Вогюэ и Берхгольца, связанные с древнерусской архитектурой, — напротив, они закономерны: ведь до конца XV века Русь была западным вассалитетом великой Монгольской империи, восточной окраиной которой был Китай.

Пока что итогом размышлений об усадьбе в древнерусской культуре могут быть следующие тезисы: 1) усадьба — самый распространенный тип жизнеустройства в Средневековой Руси как на селе, так и в городе (поэтому здесь не возникало оппозиции усадьбы, деревни и города) (см.: [Кривов, Крупнов, 2004, с. 180–181]); отдаленным свидетельством такого положения дел служит пословица «Москва — большая деревня», уничижительный смысл которой в Новое время был обусловлен эталонным статусом западноевропейской городской цивилизации; 2) как модель мироздания в целом, древнерусская усадьба не мыслилась безусловным «раем на земле» (как это стало в Новое время), но вмещала в себя и светлое и темное в мире, и рай (господский дом с иконами, терем, домовый храм) и преисподнюю (баню); 3) поэтому в древнерусской усадьбе не было элиминации темных сторон бытия — они осознавались как реальность, рядом с которой надо сосуществовать, хотя и оценивались негативно; 4) тем не менее усадьба в первую очередь воспринималась как православный топос, где бытовой повседневный уклад наполнялся христианской символикой, христианскими смыслами (см.: [Якеменко, 2024, с. 313–336]), чему яркое свидетельство — литературный памятник XVI века «Домострой», составленный протопопом Сильвестром.

Древнерусский субстрат усадьбы продолжил прикровенное существование и в Новое время, нередко адаптируя к автохтонной культуре пришедшие в страну начиная с XVIII века западноевропейские влияния и тем самым придавая классической русской усадьбе национальное своеобразие. Так что в московских и подмосковных усадьбах XVIII–XIX веков, хотя и выстроенных в западноевропейских стилях барокко, классицизма и ампира, имплицитно присутствовал старинный допетровский жизненный уклад, культивировалась традиционная для Руси система патриархально-семейных и сакрально-бытовых ценностей, их нераздельность (подробнее см.: [Герцен, 1982]; [Антонова, 2019]; [Охлябинин, 2006]). Это относится и к усадьбам, связанным с именем Достоевского. Например, внутри главного здания Мариинской больницы был устроен храм, чтобы пациенты, лежа в палатах, могли слушать церковные службы;

больница для бедных, хотя формально была казенным учреждением, по-домашнему управлялась вдовствующей императрицей Марией Федоровной и почетным опекуном графом Мухановым, которые не хуже заботливых отцов-помещиков вникали в тонкости больничной жизни, включая нужды пациентов (лекарства, одеяла, палаты, инвентарь) и врачей с их семьями (квартиры во флигелях, деревянные сараи, конюшни, выезды) (см.: [Пономарева, 2016, с. 359–362]). Для всех были разбиты обширный сад и огород.

Г.Б. Пономарева обращает внимание на «усадебно-дворцовый облик» больницы, ее архитектурное изящество, созданное выдающимися зодчими Дж. Кваренги и И. Жилярди (см.: [Пономарева, 2016, с. 358]). Это великолепное здание было построено на территории бывшего старинного Божьего (или Убогого) дома, то есть кладбища для христианского погребения странников, людей, умерших насильственной смертью, и всех неизвестных в округе; их было несколько в Москве, и они превращались в настоящие центры древнего православного благочестия и милосердия. Вплоть до конца XVIII века

за крестным ходом на Убогие дома следовали толпы народа, <...> приносили свечи, кутью и блины, драчены, печеные яйца и вино для поминовения. Из усердия рыли могилы для погребения <...>, духовенство пело общую панихиду над погребенными [Снегирев, 1865, с. 142–143].

В царствование Елизаветы Петровны Убогий дом при церкви св. Иоанна Воина на Старой Божедомке был перенесен ближе к Марьиной роще, на территорию Лазаревского кладбища.

Принятые Православной церковью и утвержденные правительством, такие кладбища свидетельствовали о христианском милосердии предков наших [Снегирев, 1865, с. 145].

Таким образом, сама земля под больницей была освящена, впитав в себя вековые молитвы, обряды, крестные ходы (подробнее см.: [Снегирев, 1865, с. 133–145]; [Федоров, 2004, с. 29–32]). И европеизированная больничная усадьба в древнем московском урочище стала не только «практической школой для врачей и слушателей Медико-хирургической академии» [Емельянов, 2004, с. 18], но и ло-

кусом православного смиренномудрия, благодарного мироприятия и христианского долготерпения. Духовная преемственность здесь очевидна.

В самом деле, Мариинская больница на землях Убогого дома невидимо связана с характером древнерусской святости. По сравнению с христианскими преданиями других европейских народов, С.С. Аверинцев указывал в древнем «Сказании о Борисе и Глебе» на то, что они

с самого начала — не в деятельной, а в страдательной роли. *Страдание* и есть их дело, сознательно принятое на себя и совершаемое с безукоризненным «благообразием» обряда [Аверинцев]⁴.

Вспомним известные слова Достоевского об истоках и характере религиозности русского простонародья. Помимо церковных служб и житий святых, автор «Дневника писателя» за 1880 год указывает на «главную школу христианства», которую прошел русский народ за минувшее тысячелетие:

<...> это — века бесчисленных и бесконечных *страданий*, им вынесенных в свою историю, когда он <...> оставался лишь с одним Христом-утешителем [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 151].

К началу XIX века русская усадьба расширила свою допетровскую первооснову социокультурными чертами классицизма и сентиментализма. Оба они придали усадебному строю России новые свойства. Классицизм создал гармоничный архитектурный облик классической русской усадьбы и впервые внес в *усадебный тоpos* отечественной литературы, с одной стороны, подражание античным образцам, с другой — национальный историзм и осознанную коннотацию патриотизма, служения Отечеству, долга перед большой и малой родиной. В частности, с Московской больницей для бедных связана яркая патриотическая страница из истории Отечественной войны 1812 года — врачи и весь персонал в месяцы оккупации Москвы французами хоть и продолжали лечить пациентов, в том числе

⁴ Здесь и далее в тексте статьи курсив в цитатах мой. — О.Б.

французских солдат, но категорически отказались от вознаграждения за свой труд со стороны вражеской администрации⁵.

Сентиментализм упрочил в *усадебном топосе* русской литературы коннотации *рая на земле*, вдохновения и художественного творчества, ценность любящей семьи. Идиллический *сентиментальный идеал*, воплощенный в эстетике трогательного, включил в себя

гармоническое сочетание сплоченной семейственности и личной независимости, практичной хозяйственности и утонченных духовно-религиозных переживаний, увлеченности искусством и согласия с природой. Именно благодаря сентиментализму счастье как равновесие жизненных сил, как искомое земное благополучие прочно связалось в России с усадебным жизнеустройством [Богданова, 2025б, с. 262].

Все перечисленное органично вошло в систему усадебных ценностей уже ко времени московского детства Достоевского. И похоже, что именно древнерусская православная прививка к общеевропейскому *сентиментальному идеалу* придала русскому *усадебному топосу* устойчивость и национальную самобытность. Именно в русской классической литературе случился драгоценный сплав античной идилличности и христианской святости (милосердия, смиренномудрия, жертвенной любви ко всему живому и т. д.), именно здесь был создан тот национальный вариант *усадебного топоса*, который эхом отзывался в бесчисленных текстах как любимый идеал.

Вот, например, маленькая картинка из романа Достоевского «Подросток» (1875) — полудетское воспоминание эпизодического героя Тришатова, задыхающегося в нечистотах петербургского «дна», о чтении романа Ч. Диккенса «Лавка древностей» (1840–1841) в далекой русской усадьбе, — а именно сцены, где «закатывается солнце» и девочка Нелли Трент, «вся облитая последними лучами,

⁵ Ср.: «Французскому руководству очень понравились больничные порядки; они так были довольны усердием и деятельностью персонала, что предложили главному доктору Х. Оппелю и его сотрудникам выхлопотать у Наполеона жалование, но русские врачи не приняли такого оскорбительного для народной гордости предложения» (Историческая записка о Московской Мариинской больнице для бедных. М.: Типо-лит. И.Н. Кушнерова и Ко, 1881. 265 с.), цит. по: [Альбицкий, Шер, 2010, с. 192].

стоит и смотрит на закат с тихим задумчивым созерцанием в детской душе, удивленной душе, как будто перед какой-то загадкой <...>»:

Знаете, у меня сестра в деревне, только годом старше меня... О, теперь там уже всё продано и уже нет деревни! Мы сидели с ней на террасе, под нашими старыми липами, и читали этот роман, и солнце тоже закатывалось, и вдруг мы перестали читать и сказали друг другу, что и мы будем также добрыми, что и мы будем прекрасными <...> [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 353].

Эта во многом автобиографическая зарисовка из московского детства писателя (судя по липам, из Дарового) представляет собой удивительное единство сентиментальной английской идиллии и почвенного русского благочестия...

Мариинская больница для бедных впервые в литературе о Достоевском рассматривается как усадьба. Ранее этому препятствовал ее общественный, государственный статус — ведь под усадьбой привычно понималось частное владение, в котором проживала семья хозяина. Московская же больница для бедных была официальным императорским учреждением, общественным достоянием. Интересно, что о такого рода усадьбах мы много пишем в связи с советским периодом, XX веком, когда были ликвидированы владельческие усадьбы и появились новые модификации *усадебного топоса* — город-сад, усадьба-музей, усадьба-санаторий, усадьба-колония, усадьба — дом отдыха или творчества и т. д., остававшиеся активно-творческой средой, продуцировавшей базовые черты национальной ментальности (см.: [Усадьба и дача, 2024]). Обратившись к биографии Достоевского, мы обнаруживаем подобные усадьбы и в дореволюционную эпоху. К таковым могут быть отнесены благотворительные учреждения — не только больницы, но и училища (например, Александровское и Екатерининское училища для девочек, которые располагались неподалеку от Московской больницы на Божedomке). Ниже мы постараемся показать, что Мариинская больница 1820–1830-х годов, времени детства Достоевского, обладала чертами традиционного усадебного жизнеустройства.

Во-первых, как уже говорилось, не будучи частновладельческой усадьбой, она была основана и обустроена под практически домашним, семейным попечительством вдовствующей императрицы и графа Муханова (подробнее см.: [Пономарева, 2016, с. 356–365]).

Во-вторых, ее территория — это типичный для России XVIII–XIX веков усадебный комплекс: двухэтажный главный дом с ионической колоннадой, вместительные жилые флигеля, хозяйственные службы, просторный двор перед фасадом, сзади — обширный сад с аллеями как важнейший элемент усадьбы, по бокам — огороды. Более того, по допетровской традиции главный дом находится в глубине двора, а на красную линию улицы выходят лишь флигеля.

Помимо проекта зданий больницы, Дж. Кваренги также принадлежит планировка ее сада.

Сад носил характер регулярного, включал центральную аллею, расположенную по оси главного здания, с большой круглой площадкой в центре и двумя диагональными дорожками с симметричными круглыми площадками в местах пересечений, а также — большое число дорожек для прогулок больных. Остальная территория отводилась под оранжереи и огороды. <...> К 1828 году больничный сад представлял собой образец пейзажного. В нем было множество обсаженных деревьями извилистых дорожек, многочисленные цветники. Здесь сказалась любовь Марии Федоровны к ландшафтному украшательству и цветоводству [Емельянов, 2004, с. 15]⁶.

Необычно для владельческой усадьбы расположение храма внутри главного здания (как правило, он стоял поодаль) — но это, как мы показали, можно отнести к древней христианской традиции домовых церквей, в Новое время возрожденных и в российских, и в западноевропейских учреждениях усадебного типа.

В-третьих, хозяйственные, медико-практические, благотворительные, религиозно-просветительные и другие функции Мариинской больницы сближали ее с владельческой усадьбой классической эпохи, которая тоже представляла собой многофункциональное учреждение, выполнявшее экономические, социальные, административные, культурно-образовательные и нравственно-религиозные задачи, связанные с жизнью имения. По сути, помещик, осуществлявший в своих владениях сбор налогов, рекрутский набор, сельскохозяйственные и строительные работы, благоустройство

⁶ Хотя здесь дается описание сада Мариинской больницы в Петербурге, оно соответствует реалиям аналогичной больницы в Москве, а также практически повторяет картину сада Московской больницы для бедных в воспоминаниях А.М. Достоевского (см.: [Достоевский, 1930, с. 49–50]).

территории, лечение крепостных, обучение их специальностям и многое другое, играл роль государственного служащего.

Кроме того, в Московской больнице для бедных велось обширное хозяйство для обеспечения жизнедеятельности больных и врачей с семьями. В частности, у Достоевских была даже корова для молока (см.: [Нечаева, 1939, с. 96]; [Федоров, 2004, с. 26]). Важно, что «все здания усадьбы проектир[овались] таким образом, чтобы <...> каждая квартира сохраняла черты усадебности» [Кириченко, 1997, с. 41]. Как и в русских владельческих усадьбах XVIII–XIX веков, насельники Мариинской больницы — врачебный персонал и многие служащие — не были приходящими, но жили здесь постоянно, круглогодично, с семьями, а не сезонно, как на дачах. Все они занимались серьезным делом, полезным трудом. Это тоже характерные черты жизни в традиционной владельческой усадьбе (подробнее см.: [Богданова, 2022, с. 14–16]).

Также Мариинская больница лишь формально считалась городской, а по факту располагалась в предместье, на пустынной окраине тогдашней Москвы, где начинались леса, луга и поля, в непосредственном соседстве с загородной Марьиной рощей, окруженная большим садом и огородами. Если взглянуть на топографический план Москвы 1834 года, то увидим обширные незастроенные территории вокруг огороженных архитектурных комплексов Мариинской больницы, Александровского и Екатерининского училищ, долину реки Неглинной с запрудами, Лазаревское поле с кладбищем в центре и т. п., — то есть по сути сельскую местность. От больницы до Камер-коллежского вала, тогдашней границы Москвы, было немногим более 1 км (см.: [Новый план, 1834]). Таким образом, как во всякой усадьбе, природа здесь соседствовала с культурой.

Одно из главных свойств классической владельческой усадьбы — замкнутость, автономность, отгороженность от внешнего мира. Мы знаем, что общение старших братьев Достоевских до их поступления в пансион Л.И. Чермака ограничивалось кругом насельников больницы — сослуживцев отца с семьями — и родственников; посторонние контакты не поощрялись (см.: [Достоевский, 1930, с. 70–71]; [Нечаева, 1979, с. 37]; [Сараскина, 2011, с. 67–68]). Все это напоминает усадебный «вертоград заключенный» (см.: [Шукин, 2007, с. 219, 229]).

Можно утверждать, что братья Михаил и Федор до пансиона Л.И. Чермака во многом получили усадебное дворянское воспита-

ние: домашнее обучение с помощью приходящих педагогов (дьякона Ильи Хинковского, Н.И. Драшусова из Екатерининского училища); привитие глубокой религиозности; четкий домашний распорядок, дисциплина; развитие человеческого достоинства (отсутствие телесных наказаний и проч.). Подробные сведения об этом — в воспоминаниях младшего брата писателя (см.: [Достоевский, 1930, с. 15–95]).

По свидетельствам современников, семья Достоевских, их соседи и родственники — это высококультурная, широкообразованная среда, которой присущи профессиональное мастерство, любовь к чтению, театру, развивающим прогулкам, посещениям достопримечательностей (см.: [Достоевский, 1930, с. 19–20, 24–40, 64–69]; [Нечаева, 1979, с. 19–20]). Это соответствует статусу классической русской усадьбы как «культурного гнезда». И хотя родители Достоевского происходили из духовного и купеческого сословий, дворянско-усадебные традиции в России первой трети XIX века являлись для них эталоном, к которому стремились выходцы из всех социальных слоев. Возможность приобщения к дворянству давала введенная Петром I в 1722 году «Табель о рангах», благодаря которой М.А. Достоевский в 1828 году, дослужившись до коллежского асессора, смог получить потомственное дворянство с правом владеть населенными имениями (чем обусловлена покупка Дарового в 1831 году) и определять сыновей в элитные учебные заведения столицы (поступление Михаила и Федора в пансион Л.И. Чермака в 1834 году). Купцы Куманины, свойственники матери Достоевского, в 1810–1820-е годы имевшие аристократические связи и удостоенные государственных орденов за заслуги перед Отечеством, в 1830 году также получили потомственное дворянство со всеми привилегиями. При этом их быт давно был по-дворянски европеизирован (см.: [Федоров, 2004, с. 89, 261–267]).

В то же время Достоевские сохраняли старинные, допетровские идеалы патриархальной семейственности, большой усадебной многодетной семьи с чадами и домочадцами, куда входили кормилицы, няни, слуги, кучера и др. (см.: [Достоевский, 1930, с. 45–48]). Они отнюдь не были «случайным семейством», которое писатель изобразил в поздних романах «Подросток» (1875) и «Братья Карамазовы» (1878–1880). Напротив, их традиционный, корневой уклад был отмечен иерархией, ладом и порядком, взаимной любовью и уважением (см.: [Сараскина, 2011, с. 56–61]). По свидетельству младшего

брата писателя, это был «наш *святой* семейный круг» [Достоевский, 1930, с. 75], одновременно воплощавший и древнерусские традиции, и общеевропейский *сентиментальный идеал*.

В больнице господствовал дух патриотизма, военного и профессионального (медицинского) служения Отечеству, а также — филантропии, гуманности, бескорыстного христианского милосердия (как в бесплатной лечебнице для неимущих). Все это — традиционные усадебные ценности для России XVIII–XIX веков, которые транслировались и на другие сферы русского общества.

Здесь, как и в сельских помещичьих усадьбах, наблюдалось межсословное единство между дворянами (врачебным персоналом больницы) и простым людом (мещанами и приходящими крестьянами). Близость старших братьев Достоевских, получавших изысканное образование европейского типа в одном из лучших средних учебных заведений Москвы — пансионе Л.И. Чермака (см.: [Федоров, 2004, с. 102–114]), с людьми из народа была постоянной, физически ощутимой — в ожидании медицинских назначений они собирались на больничном дворе перед окнами квартиры, гуляли по аллеям больничного сада. Это и люди, вхожие в домашний мир Достоевских: няни, кормилицы, слуги из деревни, приносившие с собой народный язык, песни, сказки, обычаи. Не только в Даровом, но и в квартире Мариинской больницы происходило типичное для эпохи усадебное воссоединение европеизированной дворянской и патриархальной крестьянской культур, разъединенных петровскими реформами начала XVIII века.

Таким образом, можно утверждать, что детство Достоевского прошло в московском усадебном пространстве, пронизанном ценностями многовековой русской *усадебной культуры* и в то же время обладавшем универсальными, европеизированными чертами. Как видим, усадебный мир будущего писателя намного шире, чем это представлялось раньше, — и связан не только с Даровым, но и с многообразными московскими впечатлениями, главным из которых была Мариинская больница для бедных.

Список литературы

1. Аверинцев — Аверинцев С.С. Византия и Русь: два типа духовности // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Averincev/drugoj-rim/8 (дата обращения: 02.06.2026).
2. Альбицкий, Шер, 2010 — Альбицкий В.Ю., Шер С.А. Императорский московский

воспитательный дом во время Отечественной войны 1812 г. // Вопросы современной педиатрии. 2010. Т. 9, № 2. С. 190–193.

3. Антонова, 2019 — *Антонова К.П.* Господа Чихачевы. Мир поместного дворянства в николаевской России / пер. с англ. М. Семиколенных. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 456 с.

4. Байбурова, 1999 — *Байбурова Р.М.* Дом 1722 года на «китайский манер» в Черной Грязи // Русская усадьба: сб. ОИРУ. 1999. Вып. 5 (21). С. 282–288.

5. Бирюкова, 2013 — *Бирюкова Т.Г.* Даровое — усадьба Достоевских. Возвращение. Историческая реконструкция. М.: Пашков дом, 2013. 135 с.

6. Богданова, 2010 — *Богданова О.А.* Место Ф.М. Достоевского в «усадебном тексте» русской литературы XIX – начала XX века. Социокультурный аспект // Универсалии русской литературы. 2. Сборник статей / отв. ред. А.А. Фаустов. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2010. С. 296–305.

7. Богданова, 2019 — *Богданова О.А.* Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология: монография. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 288 с. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 1)

8. Богданова, 2022 — *Богданова О.А.* Формирование исследовательского тезауруса при изучении феномена дачи в русской литературе XIX–XXI вв. // Studia Litterarum. 2022. Том 7. № 3. С. 10–29. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-10-29>

9. Богданова, 2024 — *Богданова О.А.* Герменевтика литературной усадьбы: теория, история, современность: монография. М.: ИМЛИ РАН, 2024. 560 с. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 9)

10. Богданова, 2025a — *Богданова О.А.* Рассказ «Маленький герой»: малая форма в «усадебном тексте» Ф.М. Достоевского // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 2. С. 220–239. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-2-220-239>

11. Богданова, 2025b — *Богданова О.А.* Русская литературная усадьба в контексте художественных направлений. Классицизм и сентиментализм: итоги и перспективы XVIII в. // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 3. С. 240–269. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-3-240-269>

12. Вогюэ, 1887 — *Вогюэ, Мельхиор де.* Современные русские писатели: Толстой — Тургенев — Достоевский / пер. с фр. М.: Изд. В.Н. Маракуева, 1887. 212 с.

13. Герцен, 1982 — *Герцен А.И.* Былое и думы: в 3 кн. М.: Худож. лит., 1982. Т. 1. Ч. 1–3. 413 с.

14. Даровое Достоевского, 2021 — Даровое Достоевского. Материалы и исследования / под ред. А.С. Бессоновой; Коломна: Лига, 2021. 544 с.

15. Дворянская и купеческая сельская усадьба, 2001 — Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.: исторические очерки / под ред. Л.В. Ивановой. М.: УРСС, 2001. 782 с.

16. Дементьева, 2019 — *Дементьева Т.Н.* Даровое в жизни и творчестве Ф.М. Достоевского // Русская усадьба: сб. ОИРУ. 2019. Вып. 25 (41). С. 82–89.

17. Дневник камер-юнкера Ф.В. Берхгольца, 1902–1903 — Дневник камер-юнкера Ф.В. Берхгольца: 1721–1725: в 4 ч. / пер. с нем. И.Ф. Аммона М.: Унив. тип., 1902–1903. Ч. 2. 247 с.

18. Достоевский, 1930 — *Достоевский А.М.* Воспоминания. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930. 425 с.

19. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
20. Емельянов, 2004 — *Емельянов О.В.* Мариинская больница (1803 –2003). СПб.: Хромис, 2004. 458 с.
21. Кириченко, 1997 — *Кириченко Е.И.* Усадьба в застройке Москвы середины XIX – начала XX в. // *Русская усадьба: сб. ОИРУ. 1997. Вып. 3 (19).* С. 36–54.
22. Кривов, Крупнов, 2004 — *Кривов А.С., Крупнов Ю.В.* Дом в России. Национальная идея. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. 416 с.
23. Макаричева, 2008 — *Макаричева Н.А.* Парадигма «усадьба — дом — угол» в творчестве Достоевского // *Усадьба реальная — усадьба литературная: сб. статей. Мелихово: Гос. лит.-мемор. музей-заповедник А.П. Чехова, 2008.* С. 224–229.
24. Нащокина, 1997 — *Нащокина М.В.* Неоклассические усадьбы Москвы // *Русская усадьба: сб. ОИРУ. 1997. Вып. 3 (19).* С. 55–74.
25. Нефедов, 2020 — *Нефедов С.А.* К вопросу о цивилизационном влиянии Золотой Орды и Османской империи на русские княжества // *Золотоордынское обозрение. 2020. № 4.* С. 753–770.
26. Нечаева, 1939 — *Нечаева В.С.* В семье и усадьбе Достоевских (письма М.А. и М.Ф. Достоевских). М.: Соцэкгиз, 1939. 159 с.
27. Нечаева, 1979 — *Нечаева В.С.* Ранний Достоевский. 1821–1849. М.: Наука, 1979. 288 с.
28. Новый план, 1834 — Новый план Москвы 1834 года. URL: https://retromap.ru/081834_55.782799,37.615814 (дата обращения: 01.06.2026).
29. Охлябинин, 2006 — *Охлябинин С.Д.* Повседневная жизнь русской усадьбы XIX века. М.: Молодая гвардия, 2006. 347 с.
30. Пономарева, 2016 — *Пономарева Г.Б.* Достоевский: я занимаюсь этой тайной. 2-е изд., перераб. М.: Русский Миръ, 2016. 448 с.
31. Сараскина, 2011 — *Сараскина Л.И.* Достоевский. М.: Молодая гвардия, 2011. 825 с. (Серия «жизнь замечательных людей»)
32. Сафронова, 2018 — *Сафронова Е.Ю.* Genius loci в поэтике романа Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» // *Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 3.* С. 65–84.
33. Сафронова, 2019 — *Сафронова Е.Ю.* Топос усадебного рая в романе Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» // *Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2019. Т. 7. № 2 (14).* С. 169–186.
34. Сафронова, 2020 — *Сафронова Е.Ю.* «Село Степанчиково и его обитатели» и «Набег на Барсуковку»: пародийно-сатирический модус в изображении усадьбы у Ф.М. Достоевского и М.А. Кузмина // *Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм: коллективная монография. М.: ИМЛИ РАН, 2020.* С. 85–98. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 2)
35. Снегирев, 1865 — *Снегирев И.М.* Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. М.: Изд. А. Мартынова, 1865. Т. 1. 210 с.
36. Усадьба и дача, 2024 — *Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения: коллективная монография. М.: ИМЛИ РАН, 2024.* 672 с. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 8)
37. Федоров, 2004 — *Федоров Г.А.* Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века. М.: Языки славянской культуры, 2004. 464 с.

38. Шукин, 2007 — Шукин В.Г. Российский гений Просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М.: РОССПЭН, 2007. 608 с.
39. Якеменко, 2003 — Якеменко Б.Г. Быт и традиции Москвы XII–XIX веков: в 2 ч. М.: ЦГО, 2003. Ч. II. 351 с.
40. Якеменко, 2024 — Якеменко Б.Г. Культура Древней и Средневековой Руси. М.: Яуза. 2024. 544 с.

References

1. Averintsev, S.S. "Vizantiia i Rus': dva tipa dukhovnosti" ["Byzantium and Russia: Two Types of Spirituality"]. *Azbuka very [ABC of Faith]*. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Averincev/drugoj-rim/8 (accessed 02 June 2026). (In Russ.)
2. Al'bitskii, V.Iu., and S.A. Sher. "Imperatorskii moskovskii vospitatel'nyi dom vo vremia Otechestvennoi voyny 1812 goda" ["The Imperial Moscow Educational Home during the Patriotic War of 1812"]. *Voprosy sovremennoi pediatrii*, vol. 9, 2010, no. 2, pp. 190–193. (In Russ.)
3. Antonova, K.P. *Gospoda Chikhachevy. Mir pomestnogo dvorianstva v nikolaevskoi Rossii* [The Gentlemen of Chikhachev. The World of the Local Nobility in Nikolayev Russia]. Trans. from English by M. Semikolennykh. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019. 456 p. (In Russ.)
4. Baiburova, R.M. "Dom 1722 goda na 'kitaiskii maner' v Chernoi Griazi" ["A 1722 Chinese-Style House in Black Mud"]. *Russkaia usad'ba: sbornik OIRU [Russian Estate: Collection of the Society for the Study of the Russian Estate]*, issue 5 (21). Moscow, Rybinsk, Zhiraf Publ., 1999, pp. 282–288. (In Russ.)
5. Biriukova, T.G. *Darovoe — usad'ba Dostoevskikh. Vozvrashchenie. Istoricheskaia rekonstruktsiia* [Darovoe is the Dostoevsky Estate. Return. Historical Reconstruction]. Moscow, Pashkov dom Publ., 2013. 135 p. (In Russ.)
6. Bogdanova, O.A. *Germenevtika literaturnoi usad'by: teoriia, istoriia, sovremennost': monografiia* [Hermeneutics of the Literary Estate: Theory, History, Modernity: Monograph]. Moscow, IWL RAS, 2024. 560 p. (In Russ.)
7. Bogdanova, O.A. "Mesto F.M. Dostoevskogo v 'usadebnom tekste' russkoi literatury XIX – nachala XX veka. Sotsiokul'turnyi aspekt" ["The Place of F.M. Dostoevsky in the 'Estate Text' of Russian Literature of the 19th – early 20th Century. Socio-Cultural Aspect"]. Faustov, A.A., editor. *Universalii russkoi literatury. 2. Sbornik statei* [Universals of Russian Literature. 2. Collection of Articles]. Voronezh, NAUKA-IuNIPRESS Publ., 2010, pp. 296–305. (In Russ.)
8. Bogdanova, O.A. "Rasskaz 'Malen'kii geroi': malaia forma v 'usadebnom tekste' F.M. Dostoevskogo" ["The Short Story 'A Little Hero': A Short Form in Dostoevsky's 'Estate Text'"]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 7, no. 2, 2025, pp. 220–239. (In Russ.)
9. Bogdanova, O.A. "Russkaia literaturnaia usad'ba v kontekste khudozhestvennykh napravlenii. Klassitsizm i sentimentalizm: itogi i perspektivy XVIII v." ["The Russian Literary Estate in the Context of Artistic Trends. Classicism and Sentimentalism: Results and Prospects of the 18th Century"]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 7, no. 3, 2025, pp. 240–269. (In Russ.)
10. Bogdanova, O.A. *Usad'ba i dacha v russkoi literature XIX–XXI vv.: topika, dinamika, mifologiya: monografiia* [Estate and Dacha in Russian Literature of the 19th – 21st Centuries: Topics, Dynamics, Mythology: Monograph]. Moscow, IWL RAS, 2019. 288 p. (In Russ.)
11. Bogdanova, O.A. "Formirovanie issledovatel'skogo tezaurusa pri izuchenii fenomena dachi v russkoi literature XIX–XXI vv." ["Formation of a Research Thesaurus in the Study of the

Phenomenon of Dachas in Russian Literature of the 19th – 21st Centuries”]. *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 3, 2022, pp. 10–29. (In Russ.)

12. Vogüé de, Marie Eugène-Melchior. *Sovremennye russkie pisateli: Tolstoi – Turgenev – Dostoevskii* [Modern Russian Writers: Tolstoy – Turgenev – Dostoevsky]. Trans. from French. Moscow, Marakueva Publ., 1887. 212 p. (In Russ.)

13. Gertsen, A.I. *Byloe i dumy: v 3 knigakh* [Past and Thoughts: in 3 books], vol. 1, part 1–3. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1982. 413 p. (In Russ.)

14. Bessonova, A.S., editor. *Darovoe Dostoevskogo. Materialy i issledovaniia* [Dostoevsky's Darovoye: Materials and Research]. Kolomna, Liga Publ., 2021. 544 p. (In Russ.)

15. Ivanova, L.V. *Dvorianskaia i kupecheskaia sel'skaia usad'ba v Rossii XVI–XX vv.: istoricheskie ocherki* [Noble and Merchant Rural Estates in Russia of the 16th – 20th Centuries: Historical Sketches]. Moscow, URSS Publ., 2001. 782 p. (In Russ.)

16. Dement'eva, T.N. “Darovoe v zisni i tvorchestve F.M. Dostoevskogo” [“Darovoe in the Life and Work of Fyodor Dostoevsky”]. *Russkaia usad'ba: sbornik OIRU* [Russian Estate: Collection of the Society for the Study of the Russian Estate], issue 25 (41). St. Petersburg, Kolo Publ., 2019, pp. 82–89. (In Russ.)

17. *Dnevnik kamer-iunkera F.V. Berkhol'tsa: 1721–1725: v 4 chastiakh* [Diary of the Chamber Junker F.V. Berkholts: 1721–1725: in 4 parts], part 2. Trans. from German by I.F. Ammon. Moscow, Univ. tip. Publ., 1902–1903. 247 p. (In Russ.)

18. Dostoevskii, A.M. *Vospominaniia* [Memories]. Leningrad, Izd-vo pisatelei v Leningrade Publ., 1930. 425 p. (In Russ.)

19. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [Complete Works: in 30 vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

20. Emel'ianov, O.V. *Mariiskaia bol'nitsa (1803–2003)* [Mariinsky Hospital (1803–2003)]. St. Petersburg, Khromis Publ., 2004. 458 p. (In Russ.)

21. Kirichenko, E.I. “Usad'ba v zapovednik Moskvy serediny XIX – nachala XX veka” [“The Estate was Built in Moscow in the Middle of the 19th – early 20th Century”]. *Russkaia usad'ba: sbornik OIRU* [Russian Estate: Collection of the Society for the Study of the Russian Estate], issue 3 (19). Moscow, Voron Publ., 1997, pp. 36–54. (In Russ.)

22. Krivov, A.S., and Iu.V. Krupnov. *Dom v Rossii. Natsional'naia ideia* [A House in Russia: a National Idea]. Moscow, OLMA-PRESS Publ., 2004. 416 p. (In Russ.)

23. Makaricheva, N.A. “Paradigma ‘usad'ba – dom – ugol’ v tvorchestve Dostoevskogo” [“The Paradigm of ‘Estate – House – Corner’ in Dostoevsky's Work”]. *Usad'ba real'naia – usad'ba literaturnaia: sbornik statei* [Real Estate – Literary Estate: Collection of Articles]. Melikhovo, Gos. lit.-memor. muzei-zapovednik A.P. Chekhova Publ., 2008, pp. 224–229. (In Russ.)

24. Nashchokina, M.V. “Neoklassicheskie usad'by Moskvy” [“Neoclassical Estates of Moscow”]. *Russkaia usad'ba: sbornik OIRU* [Russian Estate: Collection of the Society for the Study of the Russian Estate], issue 3 (19). Moscow, Voron Publ., 1997, pp. 55–74. (In Russ.)

25. Nefedov, S.A. “K voprosu o tsivilizatsionnom vlianii Zolotoi Ordy i Osmanskoi imperii na russkie kniazhestva” [“On the Question of the Civilizational Influence of the Golden Horde and the Ottoman Empire on the Russian Principalities”]. *Zolotoordynskoe obozrenie*, no. 4, 2020, pp. 753–770. (In Russ.)

26. Nechaeva, V.S. *V sem'e i usad'be Dostoevskikh (Pis'ma M.A. i M.F. Dostoevskikh)* [In the Dostoevsky Family and Estate (Letters of M.A. and M.F. Dostoevsky)]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1939. 159 p. (In Russ.)

27. Nechaeva, V.S. *Rannii Dostoevskii. 1821–1849* [Early Dostoevsky. 1821–1849]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 288 p. (In Russ.)

28. *Novyi plan Moskvy 1834 goda* [The New Plan of Moscow in 1834]. Available at: https://retromap.ru/081834_55.782799,37.615814 (accessed 01 June 2026). (In Russ.)
29. Okhliabinin, S.D. *Povsednevnaia zhizn' russkoi usad'by XIX veka* [Everyday Life of a 19th - Century Russian Estate]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2006. 347 p. (In Russ.)
30. Ponomareva, G.B. *Dostoevskii: ia zanimaius' etoi tainoi* [Dostoevsky: I am Dealing with this Mystery]. 2nd Edition. Moscow, Russkii Mir Publ., 2016. 448 p. (In Russ.)
31. Saraskina, L.I. *Dostoevskii* [Dostoevsky]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2011. 825 p. (In Russ.)
32. Safronova, E.Iu. "Selo Stepanchikovo i ego obitateli" i "Nabeg na Barsukovku": parodiino-satiricheskii modus v izobrazhenii usad'by u F.M. Dostoevskogo i M.A. Kuzmina" [*The Village of Stepanchikovo and its Inhabitants and The Raid on Barsukovka: a Parody-Satirical Mode in the Depiction of the Estate by F.M. Dostoevsky and M.A. Kuzmin*]. *Russkaia usad'ba i Evropa: diakhroniia, nostalg'gia, universalizm: kollektivnaia monografiia* [Russian Estate and Europe: Diachrony, Nostalgia, Universalism: a Collective Monograph]. Moscow, IWL RAS, 2020, pp. 85–98. (In Russ.)
33. Safronova, E.Iu. "Topos usad'bnogo raia v romane F.M. Dostoevskogo 'Selo Stepanchikovo i ego obitateli'" ["Topos of the Estate Paradise in F.M. Dostoevsky's Novel *The Village of Stepanchikovo and its Inhabitants*"]. *Issledovatel'skii zhurnal russkogo iazyka i literatury*, vol. 7, no. 2 (14), 2019, pp. 169–186. (In Russ.)
34. Safronova, E.Iu. "Genius loci v poetike romana F.M. Dostoevskogo 'Selo Stepanchikovo i ego obitateli'" ["Genius Loci in the Poetics of F.M. Dostoevsky's Novel *The Village of Stepanchikovo and its Inhabitants*"]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 16, no. 3, 2018, pp. 65–84. (In Russ.)
35. Snegirev, I.M. *Moskva. Podrobnoe istoricheskoe i arkhelogicheskoe opisanie goroda* [Moscow. Detailed Historical and Archaeological Description of the City], vol. 1. Moscow, Izd. A. Martynova Publ., 1865. 210 p. (In Russ.)
36. *Usad'ba i dacha v literature sovetskoi epokhi: poteri i obreteniia: kollektivnaia monografiia* [Estate and Dach in the Literature of the Soviet Era: Losses and Gains: A Collective Monograph]. Moscow, IWL RAS Publ., 2024. 672 p. (In Russ.)
37. Fedorov, G.A. *Moskovskii mir Dostoevskogo. Iz istorii russkoi khudozhestvennoi kul'tury XX veka* [The Moscow World of Dostoevsky. From the History of Russian Art Culture of the 20th Century]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004. 464 p. (In Russ.)
38. Shchukin, V.G. *Rossiiskii genii Prosveshcheniia. Issledovaniia v oblasti mifopoetiki i istorii idei* [The Russian Genius of Enlightenment. Research in the Field of Mythopoetics and the History of Ideas]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007. 608 p. (In Russ.)
39. Iakemenko, B.G. *Byt i traditsii Moskvy XII–XIX vekov: v 2 chastiakh* [The Life and Traditions of Moscow of the 12th – 19th Centuries: in 2 parts], part II. Moscow, TsGO Publ., 2003. 351 p. (In Russ.)
40. Iakemenko, B.G. *Kul'tura Drevnei i Srednevekovoi Rusi* [Culture of Ancient and Medieval Russia]. Moscow, Iauza Publ., 2024. 544 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 09.06.2026
 Одобрена после рецензирования: 28.06.2026
 Дата публикации: 25.09.2026

The article was submitted: 09 June 2026
 Approved after reviewing: 28 June 2026
 Date of publication: 25 Sept. 2026